

М. Бубликов, Н. Гольденберг

Русская школа
систематический сборник статей образцовых
русских писателей

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Бубликов**
Русская школа: систематический сборник статей образцовых русских писателей / М. Бубликов, Н. Гольденберг – М.: Книга по Требованию, 2015. – 270 с.

ISBN 978-5-518-03141-8

Русская школа. Систематический сборник статей образцовых русских писателей, для классного и домашнего чтения. С биографиями русских писателей и материалом для письменных упражнений и объяснительным словарем. Для старших отделений преимущественно тех училищ, в которых обучаются не коренные русские дети.

ISBN 978-5-518-03141-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Конь бѣжитъ — земля дрожить, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валить; прибѣжалъ и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. „Ну, говоритъ: влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзай“. Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзъ — и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Иванушка на коня и поскакалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ, видитъ: народу видимо-невидимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ: на рукѣ перстень — цѣны нѣтъ, собою красавица изъ красавицъ. Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ — только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ. Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шелковою плеткой хлеснулъ. Народъ кричитъ: „держи! держи его!“ — а Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ къ нему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ и сталъ опять прежнимъ Иванушкой-дурачкомъ. Отпустилъ Иванушка коня, набралъ лукошко мухоморовъ и принесъ домой: „Вотъ вамъ, хозяйюшки, грибовъ!“ говоритъ. Разсердились тутъ невѣстки на Ивана: „Что ты за грибы принесъ? иль не видишь? развѣ тебѣ одному ихъ ѣсть?“ Усмѣхнулся Иванъ и опять залегъ на печь. Пришли братья домой и рассказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были и что видѣли; а Иванушка лежитъ на печи да посмѣивается.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошелъ за грибами. Вышелъ въ поле, свистнулъ, гаркнулъ: „Сивка-бурка, вѣнцій коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Прибѣжалъ конь и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ — на площади народу еще больше прежняго; всѣ на царевну любятъ, а прыгать никто не думаетъ: кому охота шею ломать? Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ — и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ. Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобы посторонились, и ускакалъ. Приходятъ братья домой, а Иванушка уже на печи лежитъ, слушаетъ, что братья рассказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плеткой. Осерчалъ конь пуще прежняго; прыгнулъ и — досталъ до окна. Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ. Тутъ ужъ и царь, и царевна стали кричать: „держи! держи его!“ — а Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришелъ Иванушка домой; одна рука тряпкой обмотана. „Что это у тебя такое?“ спрашиваютъ Ивана невѣстки. — Да вотъ, говоритъ, искавши грибовъ, сучкомъ накололся — и полѣзъ Иванъ на печь. Пришли братья, стали рассказывать, что и какъ было; а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенецъ посмотреть; какъ приподнялъ онъ тряпку, избу такъ всю и осіяло. „Перестань ты тамъ съ огнемъ баловать!“ крикнули братья: „экій дурень! избу еще сожжешь; пора тебя совсѣмъ изъ дому прогнать!“

Дня черезъ три идетъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ, и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться; а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ, тому будетъ худо. Нечего тутъ дѣлать; пришелъ на пиръ самъ старикъ со всей семьей. Пришли, за столы дубовые посадились; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ пира стала царица медомъ изъ своихъ рукъ гостей обносить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ послѣднему; а онъ-то хуже всѣхъ: платье въ заплаткахъ, самъ неумытый, одна рука тряпкой завязана... просто страсть! „Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана? спрашиваетъ царица: развяжи-ка!“ Развязалъ Иванушка; а на пальцѣ царицынъ перстень — такъ всѣхъ и осіялъ. Взяла тогда царица Иванушку за руку, подвела къ отцу и говоритъ: „вотъ, батюшка, мой суженый“.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что отецъ и братья глядятъ---и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Сыграли свадьбу царицы съ Иванушкой и сдѣлали такой пиръ, что гости насилу домой воротились.

Неродная.

3. Сказка о серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ.

Жилъ мужикъ съ женой и у нихъ было три дочери: двѣ нарядницы-затѣйницы, а третья дочь простовата и зовутъ ее сестры — а за ними отецъ и мать — дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвить ни слова, на все готова: и траву полетъ, и лучину колетъ, коровушекъ донтъ, уточекъ кормить. Кто что ни спросить, все дура приноситъ; дура, поди; за веѣмъ, дура, гляди.

Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмарку, обѣщаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь просить: „купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ“; другая дочь просить: „купи мнѣ алой китайки“, а дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу, и ее спросилъ: „Что тебѣ, дура, купить?“ Дура усмѣхнулась и говоритъ: „Купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко“. — „Да на что тебѣ?“ сестры спросили. „Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня старушка за то, что я ей колачъ подала“. Мужикъ обѣщалъ и поѣхалъ; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, былъ онъ на ярмаркѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебряное блюдечко да наливное яблочко. Возвратился домой и показываетъ. Сестры рады были сарафаны пошили, а на дуру смѣются, да ждутъ, что она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочка, а сѣла въ углу, приговариваетъ: „Катись, катись, яблочко, по серебряному блюдечку: показывай мнѣ города и поля, и лѣса, и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту“. Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному; на блюдечкѣ всѣ города, одинъ за другимъ, видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота; солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ собираются, такъ все красиво—на диво, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть беретъ,—какъ бы выманить у дуры блюдечко; но

она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ. Злая сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: „Душенька-сестрица, въ лѣсъ по ягоды пойдемъ! земляничку соберемъ!“ Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродить, ягоду собираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злая сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: „Дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли! видно, волки съѣли!“ Жалко отцу,—хоть дура, да дочь. Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ да замкнулъ, а сестры слезами обливаются.

Водить стадо пастушокъ, трубить въ трубу на зарѣ и идетъ по лѣску овечку отыскивать; видитъ онъ бугорокъ подъ березкой въ сторонкѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые; надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой сръзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, и—диво дивное, чудо чудное! дудочка сама поетъ, выговариваетъ: „играй, играй, дудочка! потѣшай свѣта-батюшку, мою родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ; меня, бѣдную, загубили, со свѣта сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко“. Люди слышатъ—сбѣжались; вся деревня за пастухомъ оборотилась; пристають къ пастуху, выпрашиваютъ: кого загубили? Отъ разспросовъ отбоя нѣтъ. „Люди добрые!“—пастухъ говоритъ,— „ничего я не вѣдаю; я въ лѣсу искалъ овечку—и увидѣлъ бугорокъ; на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; сръзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку; сама играетъ, выговариваетъ“. Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ пастуховы слова; схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ: „играй, играй, дудочка, родимому батюшкѣ, потѣшай его съ матушкой; меня, бѣдную, загубили, со свѣта сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!“—„Веди насъ, пастухъ“, говоритъ отецъ, „туда, гдѣ сръзалъ тростинку“. Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты прекрасные, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ начали разрывать бугорокъ и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ,—лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загублена, невѣдомо кѣмъ зарытая. И добрые люди спрашиваютъ: кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ, выговариваетъ: „свѣтъ мой, батюшка родимый! меня сестры въ лѣсъ зазвали, бѣдную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго“. Двѣ сестрицы-завиетницы затряслись, поблѣднѣли, а душа, какъ въ огнѣ,—и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темный погребъ замкнули, до царскаго указа, высокаго повелѣнья, а отецъ въ путь собрался, въ городъ престольный. Скоро ли, долго ли, прибылъ въ тотъ городъ; ко дворцу онъ приходитъ. Вотъ съ крыльца золотого царь-солнышко вышелъ; старикъ въ землю кланяется, царской милости просить. Возговорилъ царь-надѣжа: „Возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя. Когда дочь оживетъ, представь еѣ намъ съ блюдечкомъ, съ яблочкомъ, съ лиходѣйками-сестрами“. Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везетъ склянницу съ живой водою; бѣжить онъ въ лѣсокъ, на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ sprыснулъ водой, встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, заплакались. Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ, привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за руки связаны,

а третья дочь—какъ весенній цвѣтъ, очи—райскій свѣтъ, по лицу—заря, изъ очей слёзы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется, на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: „Гдѣ жъ твоё блюдечко и наливное яблочко?“ Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко, съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: „Что ты, царь-государь, хочешь видѣть? Города ль твои крѣпкіе? Полки ль твои храбрые? Корабли ли на морѣ? Чудныя ли звѣзды на небѣ?“ Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются: въ нихъ полки собираются, со знаменами, со пищалями, въ боевой строй становятся; воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятками. И пальба, и стрѣльба, дымъ облако свиль, всё изъ глазъ скрыль. Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли, какъ лебеди, плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ. И стрѣльба, и пальба, дымъ облако свиль, всё изъ глазъ скрыль. Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: въ блюдечкѣ всё небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются. Царь удивленъ чудесами, а красавица обливается слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, просить помиловать: „Царь-государь!“—говоритъ она—„возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ!“ Царь на слёзы ея сжалился, по прошенію помиловалъ; она въ радости векрикнула, обнимать сестеръ бросилась. Царь глядитъ, изумляется; взявъ красавицу за руки, говоритъ ей привѣтливо: „Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею?“—„Царь-государь“,—отвѣчаетъ красавица:—„твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословеніе родной матери. Какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и скажу“. Отецъ въ землю поклонился; послали за матерью. Мать благословила дочь. „Ещё къ тебѣ слово“, сказала царю красавица: „не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать, и отецъ, и сѣстры мои“. Тутъ сѣстры ей въ ноги кланяются: „недостойны мы“. говорятъ онѣ. — „Всё забыто, сѣстры любезныя“, говоритъ она имъ: „вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ, а кто старое зло помнить, глазъ тому вонъ!“ Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала, а сѣстры въ раскаяніи плачутъ, какъ рѣка льётся, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ. Пиръ во дворцѣ! крыльцо всё въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ. Царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожить, народъ бѣжитъ: „здравствуй“, кричитъ, „на многіе вѣка царь съ царицей!“

Народная

4. Сказочное царство.

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говорить.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;

Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря

Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ золотомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый

Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ.

5. Морозъ Ивановичъ.

Въ одномъ домѣ жили двѣ дѣвочки: рукодѣльница и лѣнивица. Рукодѣльница была умная дѣвочка: рано вставала, сама, безъ матери, одѣвалась и сейчасъ за дѣло принималась: печку тошила, хлѣбы мѣсила, избу мела, пѣтуха кормила, и потомъ на колодець за водой ходила. А лѣнивица въ это время въ постелѣ лежала; ужъ давно къ обѣднѣ звонять, а она все еще потягивается, съ боку на бокъ переваливается: ужъ развѣ наскучить лежать, такъ скажетъ съ просонья: „Мама! надѣнь мнѣ чулочки... мама, застегни платице“; а потомъ спросить: „нѣтъ ли булочки?“ Встанетъ, попрыгаетъ, да и сядетъ къ окну мухъ считать; а какъ всѣхъ пересчитаетъ, такъ ужъ и не знаетъ, за что принятыя, и чѣмъ бы заняться: сидитъ да жалуется, что ей скучно. Между тѣмъ рукодѣльница воротится домой, воду процѣдитъ да въ кувшины нальетъ; а потомъ примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки кроить да шить, и никогда ей не было скучно.

Однажды съ рукодѣльницей бѣда приключилась: пошла она на колодець за водой, опустила въ колодець ведро, а веревка-то и оборвалась: упало ведро въ воду. Какъ тутъ быть?... Расплакалась она, да и пошла къ матери рассказать про свою бѣду. А мать только лѣнивицу баловала, съ рукодѣльницей же была строга; говоритъ: „сама бѣду едѣлала, сама и поправляй; сама ведро утопила, сама и доставай“. Нечего было дѣлать. Пошла бѣдняжка опять къ колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней къ самому дну.

Только тутъ съ нею чудо случилось: едва спустилась, смотритъ—передъ ней печка, а въ печкѣ сидитъ пирожокъ, такой румяный, поджаристый; сидитъ, поглядываетъ да приговариваетъ: „Я совсѣмъ готовъ, подрумянился, сахаромъ да изюмомъ обжарился, кто меня изъ печи возьметъ, тотъ со мной и пойдетъ“. Рукодѣльница, ни мало не мѣшкая, схватила лопатку, вынула пирожокъ и положила его за пазуху. Идетъ она дальше; передъ нею садъ, а въ саду стоитъ дерево, а на деревѣ золотыя яблочки листьями шевелятъ и промежъ себя говорятъ: „Мы яблочки наливныя, созрѣлыя; корнемъ дерева питались, студенной росой обливались; кто насъ съ дерева стрясетъ, тотъ насъ себѣ и возьметъ“. Рукодѣльница подошла къ дереву, потрясла его сучокъ—золотыя яблочки такъ и посыпались къ ней въ передникъ. Идетъ она дальше, смотритъ—передъ ней сидитъ старикъ Морозъ Ива-

новичъ, сѣдой-сѣдой; сидитъ онъ на ледяной лавочкѣ да снѣжные комочки ѣсть; тряхнетъ головой—отъ волосъ иней сыплется; духомъ дохнетъ—валитъ паръ густой.

„А!“ сказалъ онъ, „здорово, рукодѣльница! спасибо, что ты мнѣ пирожокъ принесла; давнымъ-давно ужъ я ничего горяченькаго не ѣлъ“. Тутъ онъ посадилъ ее возлѣ себя, и они вмѣстѣ пирожкомъ позавтракали и золотыми яблочками закусили. „Знаю я, зачѣмъ ты пришла“, говоритъ Морозъ Ивановичъ, „ты ведро въ мой студенецъ уронила; отдать его тебѣ отдамъ, только ты мнѣ за то три дня прослужи; будешь прилежна—тебѣ лучше, будешь лѣнива—тебѣ же хуже. А теперь“, прибавилъ онъ, „мнѣ, старичку, и отдохнуть пора, поди-ка, приготовь мнѣ постель. да смотри—взбей хорошенько перину“.

Пошли они въ домъ. Домъ у Мороза Ивановича сдѣланъ былъ весь изъ льда: и двери, и окошки, и полъ—ледяные, а по стѣнамъ все снѣжныя звѣздочки. На постелѣ у Мороза Ивановича, вмѣсто перины, лежалъ снѣгъ пушистый. Рукодѣльница принялась взбивать снѣгъ, чтобъ старичку было мягче спать, и у ней, у бѣдняжки, руки ооченѣли, и пальчики покраснѣли. „Ничего!“ сказалъ Морозъ Ивановичъ, „это здорово. Я, вѣдь, старикъ добрый; посмотри, что у меня за диковина“.

Тутъ онъ приподнялъ свою снѣжную перину съ одѣяломъ, и рукодѣльница увидѣла, что подъ периною пробивается зеленая травка. Рукодѣльницѣ стало жаль травки. „Вотъ ты говоришь, что ты старикъ добрый“, сказала она, „а зачѣмъ ты зеленую травку подъ снѣжной периной держишь, на свѣтъ Божій не выпускаешь?“—„Не выпускаю потому, что еще не время; еще травка въ силу не вошла. Мужичокъ ее осенью посѣялъ, она и взошла, а кабы вытянулась, то зима бы ее захватила, и къ лѣту травка бы не вызрѣла. Вотъ я и прикрылъ молодую зелень мою снѣжною периной, да еще и самъ прилежъ на нее, чтобы снѣгъ вѣтромъ не разнесло; а вотъ придетъ весна, снѣжная перина моя растаетъ, травка заколосится, а тамъ выглянетъ и зерно, а зерно мужичокъ соберетъ да на мельницу отвезетъ; мельникъ зерна смелетъ, и будетъ мука, а изъ муки ты, рукодѣльница, хлѣбъ испечешь“.—„Ну, а скажи мнѣ, Морозъ Ивановичъ, зачѣмъ ты въ колодецъ-то сидишь?“—„Я затѣмъ въ колодецъ сижу, что весна подходитъ; мнѣ жарко становится. А ты знаешь, что и лѣтомъ въ колодецъ холодно бываетъ; оттого и вода въ колодецъ всегда студеная“.—„А зачѣмъ ты, Морозъ Ивановичъ, по улицамъ ходишь да въ окошко стучишь?“ спросила опять рукодѣльница.—„А затѣмъ въ окошко стучусь“, отвѣчалъ онъ, „чтобы не забыли печи топить да трубы вовремя закрывать. А затѣмъ еще я въ окошко стучусь, чтобы люди помнили, что они въ теплыхъ горницахъ сидятъ или надѣваютъ теплую шубу, и что есть на свѣтѣ нищія, которымъ зимою холодно, которымъ помогать надо“. Тутъ Морозъ Ивановичъ погладилъ рукодѣльницу по головкѣ и легъ почивать. А рукодѣльница между тѣмъ все въ домъ прибѣрала; пошла въ кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бѣлье выштопала.

Старичокъ проснулся и былъ всѣмъ очень доволенъ. Такъ прожила рукодѣльница у Мороза Ивановича цѣлые три дня. На четвертый день Морозъ Ивановичъ сказалъ ей: „Спасибо тебѣ, умная ты дѣвушка; угодила ты мнѣ, старичку, такъ и я у тебя въ долгу не останусь. Вотъ тебѣ твое ведро, я въ него высыпалъ цѣлую горсть пятачковъ, да сверхъ того вотъ тебѣ булавочка съ алмазною голов-

Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей---
Королевичъ Елисей.
Свать прѣхаль; царь далъ слово;
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ
Да сто сорокъ теремовъ.

IV.

На дѣвичникъ собираюсь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царица всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мѣръ—мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царица все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе“.
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Вестъ царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла
И въ такую даль свела,
Что царица догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя“.
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой!“
А сама пришла домой.
„Что?“ сказала ей царица:
„Гдѣ красавица дѣвица?“
— „Тамъ въ лѣсу стоитъ одна“,
Отвѣчаетъ ей она:
„Крѣпко связаны ей локти,
Попадется звѣрю въ когти,—
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть“.

V.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.
Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла —
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песь, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песь бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царица, подбираясь,
Поднялася на крыльцо

И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ;
Подъ святыми столъ дубовый;
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

VI.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый челоуѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать:
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица“.
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвши, извинилась,
Что де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Въ мигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;

Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ липъ разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну.
Отходящую ко сну.

VII.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,
Не перечать ей они.
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, липъ только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро; тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,

Да нельзя; такъ Бога ради
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ—ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“
— „Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные!“
Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Вы удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому и навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевицъ Елисей“.
Братья молча постояли
Да въ затылкѣ почесали.
„Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ“,
Старшій молвилъ, поклонясь:
„Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ“. — „Я не сержуся“,
Тихо молвила она:
„И отказъ мой не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

VIII.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:

Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя *) дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй“.
И царица налетѣла
На Чернавку: „Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!..“
Та призналася во всемъ.
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не житьъ,
Иль царевну погубить.

IX.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко“,
Ей кричитъ она въ окошко:
„Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу“.
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитяtko, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ“. Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?

*) Зеленыя—старинная форма род. пад.
ед. ч. жен. р.